

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова

ТРИНАДЦАТАЯ ГОСТЬЯ

В доме было тихо и спокойно,
пока на чердаке не поселилось зло...

Crime & private

Анна Данилова

Тринадцатая гостя

«Автор»

2014

Данилова А.

Тринадцатая гостя / А. Данилова — «Автор», 2014 — (Crime & private)

Когда Наташа Вьюгина приняла приглашение неизвестной девушки приехать в Мюнхен, она и не догадывалась, что ожидает ее в доме Сони Муравьевой-Бехер, почему-то выдающей себя за подругу детства Натальи. Но таинственные события в особняке с каждым днем все сильнее убеждают девушку: на сей раз она, похоже, влипла в не просто криминальные неприятности, но и... мистические. Соня рассказывает о макете ее дома, находящемся на чердаке. В нем с недавних пор начали появляться куклы, копирующие реальных людей. Наташа согласна помочь Соне разобраться со всеми странностями, но ее мучает всего лишь один вопрос – почему Софи только сейчас вспомнила о подруге и позвонила именно ей в трудную минуту?..

© Данилова А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Данилова

Тринадцатая гостья

Глава 1

Мюнхен, октябрь 2008 г

Мюнхенская полиция в среду поймала женщину, попытавшуюся ограбить шесть банков в течение менее трех часов. Как сообщает Associated Press, грабительницу выследили и арестовали в парикмахерской. В операции принимали участие сотни полицейских.

Тридцатитрехлетней преступнице, имени которой полиция не раскрывает, удалось украсть четыре тысячи девятьсот семьдесят пять долларов из четырех банков, расположенных в центре южногерманского города. Однако в двух отделениях банков ей не повезло, несмотря на то что женщина была вооружена пистолетом.

По сведениям полиции, на ней был черный плащ, но она была без маски. Сначала ей удалось скрыться от полиции, затерявшись в толпе, и только через несколько часов полицейским удалось ее выследить вновь.

По словам одного из полицейских, ему еще никогда не приходилось сталкиваться со столь дерзкой грабительницей...

Экземпляров этой газеты было шесть. И все они были надежно спрятаны, в разных местах, но все равно – под рукой. Эти десять строк, которые она перечитывала время от времени, придавали ей сил, кружили голову. Где бы она ни находилась, о чем бы ни думала, мысли ее все равно возвращались к этому...

Она слышала в свое время множество комментариев по поводу этой газетной заметки, и все они, несмотря на внешнюю добропорядочность высказывавшихся, были преисполнены восхищения этой женщиной в черном плаще – дерзкой, решительной, отчаянной. Никому как-то и в голову не приходило посочувствовать всем тем, кто находился в момент ограбления в банке, и, тем более, владельцам ограбленных банков. «...И только через несколько часов полицейским удалось ее выследить вновь...» Как бы не так! В газетах всегда так пишут, чтобы представить полицию в выгодном свете и чтобы людям жилось спокойно, чтобы они по-прежнему с уважением относились к банкам...

Но ей-то нет никакого дела ни до банков, ни до полиции. Возможно, ей есть дело до этого черного плаща, который она носит практически три сезона подряд и который, как панцирь, охраняет ее от всех напастей и придает ей, как и эта газетная вырезка, сил. Длинный черный плащ, который она стягивает на талии широким поясом, настоящий непромокаемый макинтош классического покроя, большой, уютный и надежный...

За окном шел дождь, он поливал огромный запущенный сад, собираясь в кронах разросшихся старых яблонь и вишневых деревьев, в лепестках буйно цветущих бордовых, желтых, лиловых и белых хризантем. Мраморный ангел за окном (старинная фигурка – деталь незамысловатого фонтана), опустившись на одно колено, продолжал задумчиво смотреть на чашу, полную воды, и на плававшие в ней оранжевые рябиновые листья, и ему все было нипочем. Даже зимой, в морозы и метели, он, занесенный снегом, заледеневший, оставался неподвижен, спокоен и умиротворен, словно все, происходившее вокруг, его не касалось. Это было свойство мрамора, свойство ангела, свойство особой философии, которая была так близка и ей.

Под шум дождя, ежась, словно холодная вода затекала ей за ворот, молодая женщина набросила на плечи черный плащ, подошла к высокому, в резной деревянной раме, зеркалу и долго смотрела на свое отражение, погружаясь в него все глубже и глубже, увязая в своих мыслях, мечтах и обидах. Обиды. Их было слишком много, чтобы бездействовать, чтобы все забыть и простить.

Глава 2

Москва, август 2008 г

Из криминальной сводки.

«Вчера, двенадцатого августа, в собственной квартире по улице Щепкина, был найден убитым известный в университетских кругах ученый-физик Иоахим Фогель. Смерть сорокалетнего мужчины наступила вследствие трех проникающих ножевых ранений. Преступник – предположительно бомж. Свидетели-соседи утверждают, что видели – в период, когда было совершено преступление, – невысокого, плохо одетого и очень грязного мужчину, спускавшегося на лифте с двумя большими мешками. Преступником были украдены ценные вещи убитого, деньги и продукты на общую сумму около пятидесяти тысяч рублей. Ведется следствие».

Глава 3

Село Страхилица (Болгария), октябрь 2008 г

Красоты хотелось так сильно, так – прямо до скрежета зубовного. Быть может, поэтому я с таким нетерпением ожидала возвращения из Испании Нежмие. Нежмие отправилась три месяца тому назад на «ягоду» (страшная жара, бескрайние плантации земляники, палящее солнце и работающие, безмолвные в своем упорном, хорошо оплачиваемом труде, женщины, собирающие «ягоду» – болгарки, румынки, марокканки, «полякини»), изредка посылала мне, единственной «русскине» в Страхилице, сигнал со своего мобильного, что означало: я здесь, Ната, не забывай меня! И я не забывала, на последние деньги звонила ей, спрашивала, как дела, рассказывала ей о ее детях, оставшихся с ее мужем и свекровью: что они живы-здоровы, что Бейсим, сынишка шести лет, растолстел из-за непомерного поедания брынзы и вафель, а Нилай, ее дочка – тоненькая тринадцатилетняя копия своей черноволосой матери, – научилась красить губы и ресницы.

Красота – в моем понимании, истосковавшейся по цивилизации женщины и по всему тому, что прежде составляло мою прошлую жизнь, – заключалась на тот момент в большой испанской расписной тарелке в полстены, которую я заказала подруге. «На худой конец, – говорила я, провожая Нежмие на автобусной станции и с трудом сдерживая слезы, – привези мне кружевной веер, парочку кастаньет, мантилью, куклу в платье «с горохами», туфли для фламенко; не откажусь я и от майки с изображением черного быка или ветряной мельницы, не говоря уже об изящном кинжале из толедской стали...»

Турчанка Нежмие, слабо понимавшая, что говорит ей на малопонятном языке руския Ната, кивала головой, глотая слезы, и оглядывалась по сторонам в ожидании софийского автобуса. Это было начало апреля, солнце припекало, но воздух был еще прохладен, свеж. Мы обе понимали, что в Испании ее ждет теплая солнечная весна и тонны земляники. А еще – тяжелая работа, работа...

Ее не было целых три месяца, жизнь шла своим чередом, я продолжала жить в крохотной деревне на северо-востоке Болгарии, здороваясь по утрам со своими курами и козами, а вечером пытаюсь за просмотром русских сериалов забыть о своих страхах и кошмарах. (А вся Европа в это время лакомилась огромными, с детский кулак, клубничинами, собранными такими же сильными и ответственными женщинами, как Нежмие.) В июле Нежмие вернулась. С подарком для меня – с белой фарфоровой салатницей ценою в один евро. Загоревшая, какая-то обновленная, со сверкавшими глазами, и сказала с извиняющейся улыбкой, что с тарелкой в полстены для меня не получилось. «Знаешь, Ната, я могла бы поехать на следующей неделе снова туда же. Но там – змеи, много змей! Одну женщину укусила змея, кажется, она из Румынии, так вот: у родственников не нашлось двух тысяч евро, чтобы доставить тело домой, ее похоронили, я думаю, в общей могиле, там, в Испании». Она говорила на смеси турецкого и болгарского языков, но очень надеялась, что это сносный русский. Главное, что мы понимали друг друга.

Ближе к осени снова с той же самой автобусной станции – я опять отправляла ее, великую труженицу, в Испанию – уже на «грозди» (виноград). Возвращалась она в конце октября, и вот теперь, уже по дороге в Страхилицу, позвонила мне и закричала в трубку: «Ната, я везу тебе голяму чинию (большую тарелку) и покрывку за маса-то».

Я ждала ее темным от синих ледяных туч и тоскливого дождя вечером, сидя в маленькой кухне у окна, всматриваясь в сине-зеленый, размытый водой пейзаж и утопая в глухом, непробиваемом одиночестве. Я знала, что Нежмие, спустившись на желточном мини-такси в низину нашей деревни, первым делом поедет домой, быть может, по дороге бросит немного грустный

взгляд в сторону моего маленького «музейного» дома, а потом ее поглотят семья, улыбки и восторг детей, подарки, разочарования, усталость...

Так все и случилось. Я прождала ее весь вечер, разленилась, устала смотреть в окно. Когда мимо него промелькнуло желтое пятно такси, сердце мое сначала учащенно забилося, но потом вновь вернулось к своему прежнему усталому ритму. Выходить из дома в дождь мне не хотелось. Но я заставила себя это сделать. Накинула толстый резиновый плащ, оставшийся в этом доме от прежнего хозяина – пастуха, вышла, закрыла курятник, подоила коз, вернулась, вскипятила молоко и вновь села у окна. Желтый электрический свет делал это убогое жилье, куда меня загнала судьба, более или менее сносным. В печке потрескивали дрова. Это был приятный, теплый звук. От печки исходил жар. Такого жара не бывает в городских квартирах в России.

И вдруг – стук в дверь. Я уже и не надеялась увидеть кого-то в тот день. Мысленно я уже готовилась ко сну.

– Нежмие! – Я вскочила и бросилась открывать дверь.

Однако это была вовсе и не Нежмие, а Айше – почтальонша из соседнего села Черна (в Страхилице почты никогда не было), доставлявшая нам раз в неделю почту. Ее привозил в Страхилицу муж, кмет¹ Черна, на стареньком «Фольксвагене», в любую погоду, исключая условия обложного снегопада. Поскольку Страхилица – деревня (тридцать домов и разрушенная до основания мечеть), в которой живут одни турки (так уж сложилось исторически), поэтому в стопке болгарских газет и журналов непременно было несколько журналов или брошюр на турецком языке, некоторые из них – обязательно религиозного содержания, плюс письма, повестки в суд (к сожалению, они доставлялись нашим жителям с большим опозданием, а потому почти всегда суды в областном городе Шумен, расположенном в двадцати семи километрах от села, проходили в отсутствие жителей Страхилицы – непосредственных истцов или ответчиков), пачку объемных желтых конвертов «Риджерс Дайджест».

– Привет, Айше, – протянула я несколько разочарованно (ведь я ждала Нежмие!), хотя искренне была рада увидеть эту приятную розовощекую голубоглазую женщину.

Она разговаривала со мной на ломаном русском, но это у нее получалось так мило, что всегда вызывало у меня улыбку. Ей тоже нравилось говорить со мной на русском, и она каждый раз, когда представлялась такая возможность, принималась петь «Калинку» или «Там вдали, за рекой...».

– Заходи, Айше.

– Няма время.

Она сунула мне пакет с почтой, улыбнулась, стряхнула с капюшона черной теплой курточки дождевые капли и хотела было выйти, как вдруг лицо ее просияло:

– Ната, там письмо для тебя!

Как это – письмо? Этого не может быть! Это совершенно исключено! Разве что письмо с надписью: «Единственной «русскине» с. Страхилицы». Без имени адресата, конечно. В это еще можно поверить. Но таких писем не может быть в принципе. К тому же нет никого на всем белом свете, кто бы знал мой настоящий адрес. Я все для этого сделала, я постаралась! Чтобы избежать чувства стыда и проклятия.

Я посмотрела на Айше весьма растерянно. Она что-то напутала, эта голубоглазая красивая Айше.

Однако в пачке банковских писем... Ох уж эти банковские письма! Время от времени на деревню обрушивается шквал красивых фирменных конвертов – это банковские уведомления гражданам – клиентам банка о том, сколько у них денег на счету. Словно они, нищие болгарские турки, не знают, сколько левов на их счетах! Однако каждый из них (удивительное дело!)

---

¹ Кмет – человек, исполняющий обязанности, схожие с обязанностями мэра в деревне.

получает эти конверты с важным видом, словно такие люди, как они, на самом деле могут быть интересны банку своими мизерными счетами...

...Однако в пачке банковских писем затесался красивый длинный голубой конверт с красивейшими марками. В окне конверта, за прозрачной пленкой, я прочитала нечто невозможное:

«Nataliya Vyugina
Strahilitsa
Shumen
Bulgariya».

Наталия Вьюгина – это я. Второй такой нет, я думаю, во всей Болгарии. И название деревни невозможно спутать ни с какой другой. Определенно, это письмо адресовано мне!

– Из Алмания, – подсказывает мне, заглядывая через плечо, Айше.

Алмания – это, по-ихнему, Германия. Час от часу не легче! Я поняла бы еще, если бы это письмо пришло мне из Москвы, где когда-то был мой дом, где у меня была семья, где меня все любили, как это ни странно. Но так было до тех пор, пока я не совершила... нечто. Теперь семья моя, может, и есть на свете по-прежнему, мои родители, вероятно, живы, но видеть меня они уж точно не хотят.

– Спасибо, Айше.

Вскрывать конверт в ее присутствии мне не хотелось. Она это поняла и ушла. Я проводила ее до самой калитки. Мой пес Тайсон облеял ее с головы до ног, купаясь в дожде, грязи и мокрой пожухлой траве.

– Тайсон! Это же Айше! – крикнула я ему, со стыдом вспоминая, что я забыла дать псу его вечернюю пайку – молоко с хлебом. Он растолстел, этот Тайсон (милая смесь спаниеля и дворняги), и даже прилипшая к его телу мокрая шерсть не сделала его ходячим скелетом, как всех местных собак. Видно было, что он завидный толстяк («Ната, ты так кормишь своего Тайсона, как мы не едим!»).

Айше помахала мне рукой, села в машину и уехала.

Тайсон, отлаив положенное, смотрел на меня выжидательно-весело – мол, видишь, Вьюгина, я заработал свой ужин, не пускал Айше в дом!

– Я люблю тебя, Тайсон. – Я погладила высунувшуюся из будки мокрую морду собаки и сказала: – Я сейчас.

Конверт, красивый, голубой, лежал на столе, пока я готовила ужин для Тайсона: парное козье молоко, хлеб. Смешав все это в миске, я отнесла еду Тайсону, вернулась и села, будучи не в силах оторвать взгляда от конверта. Это было послание из Munchen – Мюнхена. Вот так. Больше того, я разглядела даже имя адресата: Sofi Bechner, Софи Бехер.

Кто такая? Почему я ее не знаю? Главное, это женщина. В последние два-три года я не доверяю мужчинам. Я боюсь мужчин. Я ненавижу мужчин! И у меня на это, как говорится в одной дурацкой песенке, тысяча причин. Вернее, одна: смертельный страх. Мужчина по имени Тони, вернее, мальчишка по имени Тони, виновен в том, что я теперь – здесь. Не в Москве, в комфортабельной квартире на Цветном бульваре, рядом с любящими меня родителями, а в глухой болгарской деревне, где единственными близкими мне существами являются собака Тайсон, козы да несколько кур-несушек. И у меня часто нет денег на самое необходимое. Я давно уже покупаю себе вещи «вторая рука» – то есть секонд-хенд – и ем то, на что мне удастся обменять молоко, яйца плюс то, что вырастает на моем большом запущенном (мой первый крестьянский опыт был не совсем удачным) огороде. Сто левов (пятьдесят евро) мне платит женщина по имени Нуртен – жена самого зажиточного крестьянина Страхилицы Эмина. Я

помогаю ей по хозяйству. Иногда она дает мне мясо, мед, брынзу. Однажды она связала и подарила мне теплые цветные терлицы².

Я живу в Страхилице уже около двух лет. Стала привыкать к туркам и их образу жизни. Каких только имен я тут не услышала – некоторые просто невозможно запомнить, они ни с чем не ассоциируются.

И вдруг – Софи Бехер. Кто такая? Почему не знаю?

Но что эта женщина не имеет никакого отношения к моей варненской истории – это точно. В семье, в которой я оказалась, промышляют белыми русскими женщинами. Русскими. Такими, как я.

Я взяла в руки конверт. Поднесла его к носу и вдохнула запах. Он пах дождем, этот волшебный немецкий конверт. Что в нем? Очередное приглашение в новую жизнь, где эту самую жизнь у меня вновь попытаются отнять? Если в Варне у меня собирались сначала выдернуть золотые коронки (которых у меня, к счастью, не оказалось), потом – удалить внутренние органы, а «чехол» моей неудавшейся жизни – мое пустое, ничего не стоящее в смысле трансплантации тело, – выбросить на помойку, на съедение диким собакам, то что предлагается мне на этот раз, да еще и в далеком и неизвестном мне Munchen?

Я не успела вскрыть конверт, потому что услышала за окном радостный вопль:

– Ната!

Это была Нежмие. Я распахнула дверь,пустила ее, мокрую, с горящими глазами в теплую кухню, и мы обнялись. Вернее, обнимала только я, потому что ее руки были заняты, они обнимали нечто плоское, круглое – тарелку в полстены?!

Она осторожно положила это плоское и круглое, завернутое в несколько слоев испанской газеты, на стол и счастливо вздохнула:

– Вот!

Это была красивейшая из всех настенных тарелок, которые мне только пришлось увидеть (турецкие, в Стамбуле, расписанные всеми оттенками голубого, синего и оранжевого – не в счет, как и португальские, разукрашенные гигантскими земляничинами и лимонами): белая с перламутром, с терракотово-красными цветами и бежевыми диковинными растениями, плюс темно-синие, для контраста, вкрапления. Словно художник рисовал свой сон, свою душевную цветовую гамму. В моей убогой кухне словно поселилась частичка Андалусии: Нежмие высыпала на стол гость крупных океанских ракушек, выложила две белые, украшенные рисунком, состоявшим сплошь из незрелых олив, скатерти. А если, подумалось мне, вспомнить о пахнущем дождем голубом конверте из Munchen, тогда и вовсе жить можно! Пусть – без Москвы, без моей уютной комнаты в родительской квартире на Цветном бульваре, без всего того, милого сердцу и глупого, что и составляло, по сути, мою молодую отчаянную жизнь.

Я предложила Нежмие кофе, она отказалась, сказала, что дома ее ждут, ей еще надо мыть детей, укладывать их спать. Я видела, как была она счастлива своей встречей с семьей, как знала и то, насколько хрупка ее семейная жизнь.

– Смотри, – тоненькая, на вид весившая килограммов пятьдесят, сильно загорелая и жилистая Нежмие (ее выкрашенные хной темно-медные кудрявые волосы были заколоты на затылке), в джинсах и синей куртке, похлопала себя по плоскому животу: – Шишка!

Значит, большой живот, растолстела. Я засмеялась. А она быстро, проглатывая слова, заговорила о том, что ради экономии она покупала в огромных супермаркетах Божужоса только дешевые печенья, упаковки кексов-магдаленок (двадцать штук – одно евро с мелочью), только ими и питалась и растолстела вот...

---

² Терлицы(-чки) – вязанные, с национальными узорами, короткие носки-тапочки.

Я даже не успела показать ей конверт (а она и не заметила его), как она уже ушла. Упорхнула – в дождь, в темень. Она храбрая, эта Нежмие, ничего не боится: ни темноты, ни тирана-мужа, распускающего руки, ни холода, ни тяжелой или грязной работы, ни новых стран, пугающих других людей своей неизвестностью, незнанием языков, отсутствием знакомых. Она – как птица, готовая выпорхнуть в любую сторону, подняться до небес и смело лететь навстречу неизвестности – только бы подальше от нищеты, от унижений...

Я взяла в руки сложенную в несколько раз тяжелую белую, в зеленых оливах, скатерть и прижала ее к груди – попыталась представить себя в Испании, в большом белом доме – с мужем, детьми. Картинка как-то не вырисовывалась. Но в Испанию мне хотелось. Быть может, потому, что Нежмие мне и в прошлый раз много о ней рассказывала, радуясь тому, что есть кому рассказать о том, что ей было близко и что она так любила. Она жила воспоминаниями о красивой солнечной Испании от поездки до поездки – от кампуса до кампуса³.

Я взяла нож и распечатала конверт.

---

³ **Кампус** – лагерь для наемных рабочих.

Глава 4

Варна, 2005 г

Елена и Константин Вьюгины сидели в небольшой, с низким потолком, комнатке старого дома в пригороде Варны, окруженные незнакомыми людьми, которые теперь назывались почему-то их родственниками, и смотрели плохо снятый видеоматериал: свадьбу их дочери.

Была жара, Елена, запакованная в тесный розовый костюм, пыталась ущипнуть себя, чтобы убедиться: все, что она видит, – правда. И это чучело на экране, одетое в белое платье, украшенное красными цветами и с большим же цветком на голове, – ее единственная дочь Наташа? А смуглый суховатый парнишка с черными глазами, одетый в белый неуклюжий костюм – их зять Тони?

Муж Лены, Костя, сидел по левую руку от представителя генерального консульства России в Варне, то и дело посматривая в его сторону, чтобы увидеть выражение лица этого молодого человека.

Они прибыли сюда спустя ровно год с тех пор, как Наташа сбежала из дома, чтобы выйти замуж за какого-то Тони из Варны. Познакомилась она с ним по Интернету, влюбилась, сначала он приехал в Москву, буквально на пару дней, даже не зашел познакомиться с ее родителями, вскружил девчонке по-настоящему голову – и исчез. Долго не писал, Наташа смотрела на экран компьютера с отстраненным видом, и ее было жаль. А потом вдруг объявился, снова засыпал ее сообщениями, пока, наконец, не предложил девушке выйти за него замуж. Молодые сговорились, и Наташа уехала. Тайно. Знала, что ее будут отговаривать. И где только она деньги взяла на дорогу? Не Америка, конечно, но и до Болгарии надо как-то добратся. Может, Тони ей выслал?

Сначала она написала им письмо, что вышла замуж, что у нее все хорошо, просила прощения. А потом исчезла. Телефоны ее молчали, на письма ей никто не отвечал. И это было для Наташи неестественным. Конечно, она могла сбежать, это в ее характере, но чтобы не давать о себе знать? Нет. С ней что-то случилось! Первый звоночек: телефонный – мама, пришлите, пожалуйста, тысячу долларов, я заболела. Потом, через месяц – то же самое. Что-то по-женски. Выслали и на этот раз. А потом звонил уже муж, Тони, сказал, что с Наташей все в порядке, просто ее надо бы привезти из клиники Святой Анны, из Софии в Варну. На это тоже нужны деньги.

В итоге, в течение года родители отправили в Варну около пятидесяти тысяч долларов. И все – как в песок, сухой черноморский песок. Забили наконец тревогу. Вьюгины вылетели в Варну, нашли консульство, объяснили ситуацию, плакали оба, им было страшно. Подключили к делу полицию.

Время шло, родители сняли квартиру на окраине Варны – не хотели уезжать до тех пор, пока не выяснится, жива ли их дочка.

И вот произошло невероятное: утренний неожиданный звонок на их российский телефонный роуминговый номер:

– Ма, па, приезжайте за мной... Записывайте адрес... – голос у Наташи был каким-то придушенным, тихим.

Выехали целой группой. Но в дом вошли только втроем: мама, папа и помощник консула. Дом был странный, построенный человеком, явно не имеющим вкуса – стены выкрашены в ядовитый зелено-желтый цвет (как желчь, сказала Елена), какой-то странный балкон с колоннами, искусственные цветы в горшках и огромная семья темнокожих, разряженных в пух и прах людей – от стариков до детишек.

– Это же цыгане, – прошептала, преодолевая спазм в горле, Елена, прижимаясь к мужу. – Цыганская семья. А где же Наташа?! Тони?..

Помощник консула заговорил, обращаясь к людям, по возрасту подходящим родителям Тони, на языке, похожем на болгарский, вежливо, с достоинством. Они долго беседовали, пока, наконец, дверь не открылась и на пороге не появилась Наташа. Вернее, ее тень. Кожа и кости. Вместо волос – пучок паутины. Лена встала и поняла, что не может сделать ни шагу. Дочь свою она узнала с трудом. Джинсы, красная майка, острые худые плечи, губы плотно сжаты – вот-вот расплечется. А глаза... Потухшие, потемневшие, с припухшими розовыми веками.

– Тебе что, денег не хватило, чтобы купить себе приличную одежду или на питание? – строго, но заметно нервничая, спросил отец.

Наташа ничего не ответила, глаза ее привычно наполнились слезами.

– А где твой муж? – спросила Елена онемевшими губами. Она сдвинулась немного в сторону, в тень от огромного, до неба, орехового дерева. Во дворе набилось много желающих поглазеть на русскую делегацию.

– Он на работе... Не мог приехать... – сказала она, испуганно глядя на женщину, прожигающую ее взглядом синевато-черных, глубоко посаженных глаз. Елена решила, что это мать Тони, Роза. А тот худой мужчина с небритыми щеками, одетый в новый темный костюм – отец Тони.

– У них гражданский брак, – сказала, судя по всему, свекровь Наташи. – Все, как положено.

А она неплохо говорила по-русски! Интересно, этим двоим, со сверкающими настороженными глазами, тоже что-то перепало от тех денег, что выслали Наташе Вьюгины? Может, и зубы золотые эта тетка вставила за их счет?

– Что значит – гражданский брак? – еще более строгим голосом спросил отец.

В России гражданским браком является сожителство.

– Гражданский брак в Болгарии – это и есть официально зарегистрированный брак, – подсказал помощник консула, крайне вежливый молодой человек. Он вносил своим присутствием официальную, некую чистую ноту во всю эту цыганщину. Казалось, исчезни он – и родители русской невесты вцепятся в волосы всем этим разряженным «родственникам» – за то, что они довели их дочь до такого плачевного состояния. А цыгане, в свою очередь, возьмутся за ножи.

– Вот, мы же вам показываем свадьбу. Все, как положено, – повторила с акцентом сватья. – Так что, сами видите, Наташа ни в чем не нуждается. У нее все есть. И этот дом...

Елена была в ужасе. Она понимала, что в этом доме живет, вероятно, весь табор, начиная от стариков и заканчивая чумазами крохами-цыганятами...

– Наташа, поедem домой, прошу тебя, – сказал отец дрогнувшим голосом.

– Но она не может уехать от мужа! – воскликнула сватья. – Это нехорошо. Вот приедет Тони...

– А когда он приедет, этот ваш Тони?

– Через две недели. Он во Франции, работает... – подал, наконец, голос и сват. Он смотрел на Елену немигающими глазами, словно проверяя на прочность ее твердость духа. И она не выдержала этого взгляда, опустила глаза.

– Наташа, ты поедешь с нами? Домой? – спросил отец.

– Я не знаю. Тони приедет...

– Разве ты не видишь, в какую семью попала? – не выдержала, наконец, Елена. – Ната, очнись, да они же заколдовали тебя! Посмотри на себя, дочка. На кого ты стала похожа?!

– Ма, все в порядке...

– А как же может быть все в порядке, если мы выслали тебе пятьдесят тысяч долларов, а ты выглядишь, как мумия. Ты больна? Что с тобой?

– Ее муж смотрит, ничего она не больна. Была больна, поправилась... – проговорила, нахмутив брови, сватья. – Так ведь, Наташа?

– Ты же сама позвонила нам и сказала, чтобы мы тебя забрали!

– Сначала я так подумала, а потом поняла, что не надо было тебе так говорить. – Наташа даже не смотрела на мать. И вообще, она вела себя странно. Может, ее накачали наркотиками?

– Немедленно собирайся – и поедem, – приказал отец. – Вернее даже, не собирайся, а просто поедem, и все. Без разговоров!

– Скажите, Наталия, как вам живется в этой семье? Быть может, у вас все хорошо, и ваши родители напрасно забили тревогу? – спросил помощник консула тоном, которым обычно разговаривают с детьми или с психически нездоровыми людьми.

– Мне живется хорошо. – Она так и не подняла глаз.

– Я хочу увидеть комнату, где живет моя дочь, чтобы понять, в каких условиях она находится.

– Почему вы не смотрите на экран, на свадьбу? – спросила обеспокоенным тоном сватья. – Видите, сколько гостей? Больше тысячи кюфте⁴ сделали...

– Ма, я здесь останусь... – она не сказала, а простонала.

– Мы и музыкантов приглашали... А сколько золота молодым подарили. Скажи, *canim*⁵.

– И где же это золото?

– Пошло на лечение.

– Наташа, не молчи, я прошу тебя, скажи, чем ты больна?!

– Ма, я здорова. У меня все хорошо. Возвращайтесь в Москву...

– Я могу остаться с дочерью одна и поговорить? – проговорила Елена истеричным тоном. – Вы слышите меня?! Наташа, дочка, подойди ко мне...

Помощник консула сделал движение, и все присутствующие в комнате задвигались, словно каждый пытался спрятаться в угол, чтобы остаться незамеченным и дожидаться развязки этой драмы. Не каждый же раз в их поселок приезжают родители русских невест!

Между тем на экране играли веселую, пышную свадьбу, звучала характерная цыганская музыка, крупным планом показывали мокрых от пота, уставших музыкантов. Наташа в белом платье и с высокой прической, которая так ей не шла, танцевала, как заведенная кукла (полное измождение и отсутствующий взгляд), со своим смуглым, растерянным женихом, почти мальчиком.

---

⁴ **Кюфте** – приправленные особыми специями, в частности чубрицей, маленькие котлетки.

⁵ **Canim** – джаным – дорогой, дорогая.

Глава 5

Село Страхилица (Болгария), октябрь 2008 г

«Здравствуй, дорогая Наташа! Пишет тебе твоя подруга Соня Муравьева. Думаю, ты удивлена. А как я удивилась, когда узнала, что ты живешь в Болгарии! Наташа, я так рада, что мне удалось тебя найти. Честно скажу, мне потребовалось время и надежные люди, которые разыскали тебя. Я понимаю, прошло время, и у каждой из нас своя жизнь. Мы обросли новыми знакомыми, друзьями, но для меня ты, Ната, осталась самой близкой подругой. Скажу сразу, мое письмо не праздное, нет. Мне срочно нужна твоя помощь. Как ты уже поняла, более близкого человека, которому я могла бы довериться, у меня нет. У меня проблемы, сложности, и мне просто необходимо, чтобы рядом со мной был такой близкий человек, как ты. Вернее – только ты. Ты помнишь, как мы с тобой представляли себя балеринами, устраивали танцы на веранде вашей дачи, как я приносила старые мамины платья, и мы с тобой надевали их? И как нам было хорошо вдвоем! И вся Москва была наша! Понимаю, мое письмо может оказаться несвоевременным, ты же можешь быть занята, можешь работать и т. д. К тому же у тебя может быть молодой человек, который помешает нашему с тобой плану. А план следующий. Мне просто необходимо, чтобы ты приехала ко мне в Мюнхен. Я вышлю тебе денег на визу и на улаживание всех твоих проблем и на билет, разумеется. Постарайся приехать. Поверь мне, ты не пожалеешь. Если ты поможешь мне выкрутиться из той ситуации, в которую я попала, я не останусь в долгу. Да и вообще, у меня есть деньги, и, если, к примеру, у тебя сложности с работой или что-нибудь в этом роде, я тебе помогу. И работу найду, и жить будешь у меня. Словом, жизнь твоя, если ты приедешь ко мне, кардинально улучшится. Если ты согласна, позвони мне, то есть просто пусти сигнал на мой сотовый. Тебе это ничего не будет стоить. Как только я его получу, сразу же вышлю тебе деньги Western Union.

Ната, прошу тебя, ради нашей дружбы! Приезжай! Я тебя жду.

Целую

Твоя Соня»

Хорошее письмо. Обнадеживающее. Особенно, когда ты увязла по горло в нищете, когда стоит глубокая осень, за окном идет дождь, а самое близкое существо на сегодняшний день, преданное тебе, – это Тайсон. Любимая собака. Когда ты, русская девушка, похоронила себя в крохотном болгарском (вернее, турецком) селе старинного, исторически сложившегося района Делиорман, проживание в котором ставит на тебе особую печать. Сто левов в месяц, тяжелый физический труд, болезни и крошечное одиночество... А тут вдруг распахиваются солнечные ворота, предлагающие тебе войти в другую жизнь, где тебя ждут и любят.

Да, все так и могло бы случиться, если бы не одно обстоятельство – в моей жизни никогда не было подруги по имени Соня. И ни с кем я не танцевала в старых маминых платьях на веранде. У меня в юности были совершенно другие пристрастия: книги, мотоцикл, путешествия. Я любила путешествовать одна, срывалась и с завидной легкостью (как любила повторять мама) уносила куда-нибудь в Карелию или в Крым. Это было моей страстью, моим образом жизни. И все бы так и продолжалось, если бы не Тони. Тони – это колдовство, наваждение, это своеобразная болезнь, возможно даже – настоящая любовь, такая, какой больше не случится в моей жизни, поскольку Тони... Тони... Его больше нет...

Я пустила сигнал, не задумываясь. Ведь стоит этот богатой дамочке из Мюнхена получить от меня сигнал, как она сразу же вышлет деньги. А уж как я с ними поступлю – мое дело. И не моя вина, если она что-то перепутала и что на свете существует не одна Вьюгина Наташа.

Я не хотела заикливаться на этом письме, как и всерьез задумываться над тем, что я собираюсь попросту украсть обещанные (предложенные?) мне деньги. Заберу деньги и исчезну из Страхилицы. Хотя и куда же это я исчезну? Вернусь в Москву? К родителям? Я не уверена, что они меня ждут. Они оскорблены до глубины души моим поведением в Варне, моим отношением к ним. Как же, ведь я не оценила их порыв!

Да, предположим, это я вызвала их в Варну. Но их приезд я не так себе представляла. И уж меньше всего я ожидала увидеть в их компании официальное лицо – помощника консула. Они приехали за мной. Собственно говоря, я этого и хотела. Тем более что в Болгарии меня уже ничто не держало. Вернее, никто не держал.

Так не хотелось вспоминать события тех дней. Но получалось, что мне не хотелось думать ни о письме, ни о том, что я собираюсь присвоить себе чужие, попавшие ко мне по ошибке деньги, ни о том, что вообще произошло со мною за последние три года. Но разве можно приказать собственным мыслям свернуться клубочком где-нибудь у меня под боком и уснуть вместе со мной, укрывшись покоем и чувством уверенности в завтрашнем дне? Иногда они существуют словно бы отдельно от меня и не поддаются ни на какие мои уговоры – оставить меня в покое, они берегут мне душу, густо посыпают солью начавшие уже рубцеваться раны. Сколько уже раз я прокручивала в мыслях все то, что было связано с Тони! И до сих пор, когда я произношу это имя вслух, моя реакция скорее даже физическая: кровь бросается мне в лицо, сердце начинает колотиться так, что отдаёт в горле, а глаза наполняются слезами. Вот так.

Роман по Интернету. Конечно, что может быть банальнее и пошлее? Но у меня все было красиво. И Тони, выудивший меня, как рыбку, в Сети, не отпускал меня ни на минуту. Он говорил о любви – он умел очень красиво говорить о любви. И все потому, что любил меня по-настоящему. Миллионы слов, обращенных к девушке, которую ты любишь. Они наполнили мою, в общем-то, одинокую, переполненную никому не нужной свободой жизнь радостью, надеждами, счастьем ожидания встречи с тем, кого любишь.

Тони был красив, молод, он постоянно говорил о любви и о предстоящей свадьбе. А потом – приехал, и мы кружили с ним по Москве, просто не отрывались друг от друга. Мотоцикл был нашим единственным свидетелем, видевшим и слышавшим все, что касалось нашей любви. Как верный конь, он поджидал нас где-нибудь в лесу, неподалеку от того места, где мы обнимались... Тони, в отличие от фотографий, которых у меня в папке «Тони» набралось около пятидесяти штук, в жизни был ярче, красивее, трогательнее. Смуглая нежная кожа, волнистые темные волосы, чудесная белозубая улыбка, исполненный любви взгляд. Все мои прежние, прямо скажем, идеалистические представления о любви подтвердились историей с Тони. Он был романтичным героем с приятным иностранным акцентом, ласковым, щедрым. Он покупал мне цветы, называл меня, в общем-то некрасивую девчонку, самой красивой женщиной на свете, носил меня на руках, а в аэропорту, перед тем, как расстаться, подарил обручальное золотое кольцо с бриллиантом. Когда он перешагнул через белую полосу, отделявшую пассажиров от провожающих, я разрыдалась. У меня была истерика. Я почему-то подумала, что никогда больше его не увижу. Такой душевной боли до этого я никогда не испытывала.

Долго я стояла, глядя в никуда, не в силах пошевелиться, пока не поняла, что Тони в Москве больше нет, и в России – тоже. Что прошло уже три часа, и самолет его приземлился, вероятно, в Варне, а я, оглушенная биением своего сердца, продолжаю, как ненормальная, смотреть ему вслед. Успел ли он соскучиться по мне за эти три часа? Я верила, что он испытывает ко мне примерно такие же сильные чувства, что и я к нему. Однако телефон мой молчал... То есть, рассуждала я, он вернулся домой, но мне не позвонил, не сообщил, что долетел благополучно.

Дома, вернувшись из аэропорта, я сразу же включила компьютер, вошла в Интернет. И как замороженная следила за экраном в ожидании маленького желтого конвертика – уведомле-

ния о почте. Следила я и за информационными телевизионными выпусками – вдруг его самолет не долетел! Это было бы единственным оправданием его молчания. Но никаких сообщений о разбившихся самолетах, летевших в Болгарию, к счастью, не было. Значит, Тони жив. А это – главное.

Мама, заглядывая ко мне в комнату, несколько раз пыталась заговорить со мной, понять, что произошло. Из моих скудных объяснений, связанных с приездом в Москву Тони, она знала только, что он прилетел и что он любит меня.

– Ма, ну что ты так на меня смотришь? Он не бросил меня, мы решили пожениться. У нас все нормально. Просто у него проблемы с телефоном.

– Ну да... – кивала головой мама, глядя на меня испуганными глазами. – Ты, главное, так уж не переживай. Мужчины, они знаешь, какие?

– Нет, не знаю... – мы обе понимали, что я говорю правду.

До Тони у меня не было мужчин, хотя со стороны я могла бы показаться вполне современной, не обремененной девственностью московской девушкой-студенткой. Студенткой... Экзамены в университет на филфак я благополучно провалила, а поступать еще куда-то у меня не было сил. По сути, в этом году я доставила своим родителям одни хлопоты и разочарования. Кому же будет приятно, если их единственное чадо все никак не определится со своим будущим? Да и вообще, что это за дочь такая, которая целыми днями гоняет на мотоцикле, а вечером проваливается по уши в Интернет, общаясь с каким-то проходимцем? А теперь вот еще и жених у нее объявился! И все бы ничего, да только не пожелал он почему-то познакомиться с ее родителями.

– Странно все это, Ната, – сказала мама, обнимая меня сзади и целуя в затылок. Она редко позволяла себе такую нежность по отношению ко мне, считая это проявлением слабой воли, в то время как я воспринимала это как проявление любви. – Ну, почему он не захотел с нами познакомиться? Ведь если мысли у него честные и ясные, если он хочет на тебе жениться, он просто обязан был прийти к нам, мы бы его расспросили о семье, о его планах на будущее. Кстати, а чем он занимается? И на что вы собираетесь жить? У него есть профессия?

– Он время от времени ездит в Голландию или Францию – работает там, строит дома, кладет плитку... – Морща лоб от досады, что наверняка я скажу сейчас не то, что от меня хотели бы услышать, вспоминала я рассказы Тони о его жизни, собирала мозаику из обрывков наших с ним долгих и сумбурных разговоров.

– Так он – плиточник?! – ахнула мама, для которой перспектива отдать замуж единственную дочь за какого-то болгарского плиточника являлась падением в пропасть. – И ты, ты, Ната, собралась замуж за плиточника, обыкновенного парня из неизвестной тебе страны, причем страны бедной? И все – ради чего? Чем он тебя так привлек?

– Он любит меня, мама, – прошептала я, чувствуя себя героиней мелодраматического сериала. – Разве этого мало?

– А ты подожди... пока тебя не полюбит кто-нибудь более достойный. Ты пойми, мы – люди не бедные, мы поможем, но надо ведь помогать тем, кто и сам старается.

Мой отец – бизнесмен, он занимается продажей немецкой бытовой техники. Моя мама – правая рука папы, в этом и заключается ее должность по жизни.

Я видела, как мама старается объяснить мне на пальцах всю несостоятельность моего плана выйти замуж за непонятного и, по сути, безработного и бездомного Тони, но я в то время думала только о нем, вспоминала его поцелуи, горячие руки, смуглое гладкое и совсем еще юное тело, его нежное лицо, обрамленное черными локонами. Я тогда и понятия не имела, что он настоящий цыган. К тому же, мне казалось, что за те два дня, что мы провели вместе, втроем: я, Тони и мой мотоцикл (в лесу под Переделкино), я успела забеременеть. Во всяком случае, мне этого хотелось. И моя беременность представлялась мне в исключительно роман-

тичном, возвышенном ареоле: все мои родные отворачиваются от меня, и вот я, с гордо поднятой головой и огромным животом, иду по краю моря, держась за руку Тони. Мы – изгои, но мы – вдвоем. И мы – любим друг друга.

Надо ли говорить, что финансовые проблемы всегда представлялись мне лишь словами – я никогда не голодала, и у меня никогда вообще не бывало никаких финансовых проблем. Все, что мне было нужно, мне тут же покупалось. Да и на карманные деньги я никогда не жаловалась.

– Послушай, ты бы могла сделать приличную партию с Гариком из папиного офиса, он хороший парень, да и отец его – порядочный человек, правда, живет Гарик в Финляндии. Зато квартира свободна. А чем тебе не понравился Женья Мышкин, сын дяди Саши, папиного приятеля, ты знаешь, о ком я говорю. А Фима? Может, он и некрасивый и полноватый, но он очень умный, хорошо воспитан, я уверена, что, если он не уйдет полностью в свою науку, он будет хорошим семьянином...

Говорить с мамой можно было бы годами – об одном и том же, и лейтмотив был бы всегда один: брось ты, к чертям собачьим, своего Тони и займись, наконец, устройством своей личной жизни!

Мой роман с Тони мои родители воспринимали крайне несерьезно, это факт. Но разве могли они предположить, чем закончится для меня это виртуальное знакомство и что сам Тони окажется средством для циничного вымогательства?

...Когда же он, наконец, объявился в Интернете, я уже похудела килограммов на десять. Увидев его адрес на экране, я чуть не потеряла сознание.

«Саним, извини, что не писал, болел. Приезжай, я люблю тебя, жду. Мои родители готовят свадьбу».

А потом было еще несколько десятков похожих сообщений. Потом он прислал мне официальное приглашение на три месяца.

И я решила, что поеду. Деньги на дорогу упали, мне, можно сказать, с неба – я очень выгодно продала свой мотоцикл. Купила туристическую визу и, оставив родителям записку: «Улетаю в Варну, к Тони. Позвоню. Простите. Ната», – покинула Москву...

Мне надо было бы насторожиться еще в аэропорту Варны, когда я не увидела там встречающего меня Тони. А ведь мы с ним обо всем договорились. Вместо него ко мне подошел молодой человек в светлом плаще и широкополой шляпе и спросил: не я ли поджидаю Тони? Словом, он сказал, что за пятьсот евро отвезет меня к Тони домой. Что у Тони сломалась машина. Я не слушала подробности, да и зачем, если сейчас я все равно увижу своего Тони!

Парня звали Радю. Смуглое рябое лицо, холодные темные глаза, серьга в ухе. Он отвез меня в пригород Варны на своем стареньком «Рено», всю дорогу он молчал. Где-то, очень глубоко в моей душе сидело сомнение относительно всего, что я сделала за последние два-три месяца. Неглупая, вполне адекватная московская девочка, я чувствовала, что увязаю в какой-то странной, пахнущей опасностью истории, но это будоражащее состояние нервозности, страха и какой-то воспаленной, болезненной любви буквально околдовало меня. Быть может, виною тому была та неожиданно заполнившаяся любовью пустота в моей душе. Ведь меня еще никто так не любил, как Тони! Мои утомительные, но приятные сердцу поездки на мотоцикле, которые скрашивали мое одиночество (я далеко не байкер, больше того, я боюсь этих ребят в коже, живущих по каким-то своим понятиям), были моим протестом против всего того, что я называла отсутствием личной жизни. Я словно доказывала себе, что могу спокойно прожить одна, без любви, без мужчин. Не сказать, что я уж совсем никому не нравилась, но если кто-то и обращал на меня внимание, то, как правило, какой-нибудь тюфяк, «ботаник» или маменькин сынок. Словом, те, кому нравилась я, не нравились мне. Обычное дело...

...Машина свернула на узкую улочку, забитую небольшими старыми домишками, крытыми оранжевыми черепичными крышами, потом мы спустились к морю и оказались напротив нового, вычурного, выкрашенного в ядовито-зеленый цвет дома со смешными нелепыми балконами, украшенными белыми колоннами. У калитки росли высокие, в человеческий рост, красные розы – они распускались, как мне показалось, прямо на глазах, источая крепкий аромат. За домом виднелась голубая полоска моря. Дивное, красивейшее место. Просто рай.

– Наташа! – Тони словно вырос из-под земли. Я не видела, чтобы он бежал ко мне с крыльца дома. Может, он ждал где-то поблизости.

Он был со мной, он обнимал меня, и это было главным. И черт с этими пятьюстами евро! Когда-нибудь я расскажу ему об этом.

Ответ на телефонный сигнал, пущенный мною стрелой в неизвестный мне Munchen, пришел незамедлительно. Это была эсэмэска: «Завтра утром я пришлю тебе код Western Union, получишь деньги в Шумене – пять тысяч евро. Закажи в Софии шенгенскую визу в посольстве Германии на месяц (если получится, на три месяца), купи билет до Мюнхена на самолет и сообщи мне дату и рейс по телефону. Твоя Соня».

Пять тысяч евро! Да на эти деньги можно, купив шенгенскую визу, исчезнуть, улететь куда-нибудь подальше от всех, скрыться, спрятаться, устроиться на работу в каком-нибудь прибрежном ресторанчике в Испании и вообще начать новую жизнь! Где гарантия, что эта Соня, увидев меня и поняв, что она поставила не на ту лошадь, не прогонит меня с треском с глаз своих, да еще и потребует обратно свои деньги? Скажет, зацепив ногтем указательного пальца мой подбородок: ты зачем заявила сюда, сучка, разве ты не поняла, что деньги попали к тебе по ошибке? Почему ты сразу не сообщила мне об этом?! И будет, между прочим, права! И придется мне возвращаться в свою Страхилицу, к своим козам и Тайсону. С другой стороны, если Соня поймет, что ее обманули, она может просто-напросто заявить в полицию, тем более что имя-фамилию мои она знает. И тогда меня будут разыскивать не только родственники Тони и мои родители, но и целая свора полицейских...

В случае если я, прибыв в Мюнхен, просто сделаю вид, что это я ошиблась, что вижу перед собой совершенно не ту Соню Муравьеву, с которой якобы я была знакома в школьные годы, тогда уже я стану возмущаться тем, что меня потревожили, обманули, доставили мне множество бесполезных хлопот. Интересно, что будет тогда? Извинится ли Соня Муравьева-Бехер за свою ошибку, или же, как я предположила в первом варианте, прогонит меня в шею, не считая нужным приносить мне свои извинения?..

На печке стоял старый чайничек с заваренной липой. Там, где я живу, чай считается напитком для больных. Чай с травами называется «чай с билками», билки – это травы. И пьют такой чай только больные. Нормальные же люди здесь пьют лишь крепкий кофе (причем крохотную, с наперсток, чашку кофе они могут растянуть на час-полтора) и лимонад. Понятие «черный чай» здесь отсутствует, в отличие от соседнего государства, просто помешанного на чае, – Турции, где на каждом шагу тебе готовы предложить разлитый по маленьким прозрачным фигурным стаканчикам крепкий ароматный неперменный турецкий чай. А ведь я живу в турецкой деревне! Казалось бы, здесь живут турки. Им по штату не положено пить кофе и, тем более, пиво или водку. Но турки здесь взяли от болгар все то, что хотели: никто из мужчин ни в чем себе не отказывает...

Я налила в чашку чай, положила ложку меда. На улице в ночной темени, промокшей от нескончаемого холодного дождя, лаял мой верный пес Тайсон. Он беспокоился по любому поводу: пробежавшая за забором собака, лисица, хорек с истекающей кровью курицей в зубах,

пьяный Рыдван. Мои две козочки спали в хлеву, прислушиваясь к шуму дождя. А куры наверняка ежились от холода – черепичная крыша пропускала воду.

Я пила чай и представляла себе завтрашний день. Неужели на самом деле какая-то неизвестная мне Соня Муравьева пришлет мне, всеми забытой Наташе Вьюгиной, такую кучу денег?! А может, она просто сумасшедшая?! Нет, конечно, это не так. Но ей зачем-то очень сильно понадобилась эта сама Наташа. Что же приключилось в Мюнхене с Соней? Какая стряслась с ней беда, что она, так сильно рискуя, собирается расстаться с такой крупной суммой денег, лишь бы только моя тетка приехала? Неужели, когда у тебя есть деньги, ты не можешь решить все свои проблемы и тебе непременно нужна помощь подруги детства? Странная история. Ну и пусть! А что, если это мой шанс что-то изменить в своей жизни? Быть может, ошибка Сони Бехер сослужит мне, нищей и никому не нужной «русскине», хорошую службу?

И я приняла решение.

Глава 6

Город Шумен (Болгария), октябрь 2008 г

Утром у меня ушло два часа на то, чтобы покормить кур, подоить коз, отправить их в стадо (чабан задержался, люди в селе говорили, что у него проблемы с женой) и отпроситься у Нуртен, моей хозяйки. Я объяснила ей, что мне нужно в Шумен, по срочному делу.

Нарядная – голубые шаровары и голубая теплая кофта, белая с синим косынка – Нуртен посмотрела на меня с недоверием. Она ждала, что я объясню ей, зачем мне так срочно понадобилось в город, но я не собиралась никому ничего объяснять. Но и привлекать к себе внимания я тоже не хотела. Сказала, что у меня разболелось горло, распухли гланды. Нуртен сказала, что ее муж, Эмин, собирается в город, он может сам отвезти меня в больницу. Делать было нечего, и я отправилась в Шумен с Эмином, на его «BMW». Он плохо говорил по-болгарски (надо сказать, что многие жители Страхилицы, хоть и живут в Болгарии, говорят только по-турецки, а некоторые так и вовсе годами не покидают деревни), а потому мы всю дорогу молчали. Как тогда, с Радо.

Я снова вспомнила Тони и тот яркий солнечный день, когда я прилетела к нему в Варну. Радо уехал, мы остались одни в доме. Тони объяснил мне, что пожениться мы пока не можем, ему всего шестнадцать лет, он просто выглядит так мужественно и кажется постарше. Меня это ничуть не смутило.

– Но мы все равно поженимся. Нас родственники мои поженят. У нас будет свадьба!

А потом он исчез. Приехала машина, его кто-то позвал, он, поцеловав меня и шепнув: «Саним, я сейчас...», ушел. Я прождала его до вечера. Слонялась по пустому, новому, пахнущему штукатуркой и свежестругаными досками дому – и ждала, ждала. Нашла в холодильнике кусок брынзы, она показалась мне самой вкусной едой на свете.

А ночью приехали какие-то люди, целая компания или, точнее, семья.

– Я – майка на Тони, – сказала мне полноватая женщина в черных брюках и золотистой кофте.

А потом на ломаном русском она начала рассказывать мне какую-то удивительную историю о том, как много их семья потеряла из-за любви Тони ко мне. Что он должен был жениться на богатой девушке из их племени (а тогда я не понимала, о чем вообще идет речь!), а Тони как с ума сошел – влюбился «в Интернет».

...Эмин высадил меня возле больницы и уехал, сказав, что, когда мне надо будет обратно домой, я должна дать ему сигнал. Здесь это принято – не звонить, как звонят нормальные люди, а посылать унижительные сигналы: мол, у меня нет денег, но я хочу с тобой поговорить, набери мой номер...

– Добре, я позвоню, – сказала я, оглядываясь в растерянности и еще не понимая, в какую сторону мне идти. Я имела самое смутное представление, где же тут поблизости расположено отделение Western Union.

И в эту самую минуту в моем кармане прозвучало характерное «дзынь-дзынь»: пришло сообщение. Соня прислала код. Набор цифр. И тут же я неподалеку от себя увидела банк с черно-желтой рамочкой – Western Union. С бьющимся сердцем я вошла в банк и протянула в окошко свой телефон с открытой эсэмэской-кодом и паспорт. Паспорт – документ – *number is one*. Я до сих пор думаю, что Тони погиб из-за моего паспорта, вернее, спасая меня. Он очень хотел, чтобы мой паспорт всегда был при мне. Они у меня его отбирали, а он приносил его обратно. Я знала, что его бьют, у него серьезные проблемы с родителями, промышлявшими

такими же русскими дурочками вроде меня, что они воспользовались его любовью ко мне, моим приездом в Варну, чтобы потом через меня выуживать у моих родителей деньги. И мое счастье, что у меня не было золотых коронок на зубах, иначе их бы вырвали чуть ли не в первый же день. И эту показушную свадьбу они сняли на пленку специально для того, если мои родители все-таки заявятся сюда, в Болгарию, в консульство. Свадьба – целый спектакль. Это удивительно, что я вообще дожила до нее! У меня на нервной почве... Нервная почва... Нас же разлучили с Тони! Меня оставили в этом доме, а его увезли в неизвестном направлении. Из-за нервов у меня тело покрылось лишаями. Стали выпадать волосы, болеть зубы. Пропал аппетит. Они звонили моим родителям в Москву и просили денег на мое лечение. Это был кошмар, который я никак не могу забыть!!!

Девушка в окошке спросила меня: выдать ли мне деньги в евро или в левах? Я сказала – тысячу в левах, остальное в евро. Постаралась, чтобы мой голос звучал обычно, как будто бы время от времени я получаю приблизительно такие же суммы. А почему бы и нет?

Я уложила все деньги сначала в хрустящий пакет, потом в сумку (это мое ноу-хау) – на случай, если в мою сумку попытается залезть вор, я услышу хруст...), вышла из банка, поплотнее запахнула пальто и вошла в первое попавшееся кафе. Еще недавно вдоль Славянского бульвара под огромными, дивно пахнущими цветущими липами стояли столики кафе, они тянулись от «Русского памятника» к отелю «Мадара», казалось, это одно огромное кафе. Теперь же стоял октябрь, все зонтики, стулья и столики были убраны внутрь ресторанов, кафе и закусочных, но особой грусти почему-то этот факт у меня не вызывал. Я всегда считала, что в каждом времени года есть своя прелесть. Если летом, в жару, хотелось укрыться под тенью лип и каштанов, оказаться поближе к фонтанам, то сейчас, когда на улице стало пасмурно и шел дождь, да и холодно было, очень даже приятно было зайти в теплое кафе, устроиться за столиком и заказать горячий шоколад или кофе. И смотреть сквозь стекло из тепла на стужу, на улице кутававшихся в плащи и пальто людей, на мокшие под дождем кроны облетающих деревьев.

В кафе было тихо, за соседними столиками сидели в основном женщины – они пили кофе, курили и тихо переговаривались между собой. Женщины в Болгарии совершенно не похожи на нас, русских. Во-первых, они намного миниатюрнее, стройнее и практически не носят платьев и юбок – одни штаны. Во-вторых, я заметила некоторую особенность – они гораздо менее открыты, чем мы, русские, подчеркнуто вежливы и держат дистанцию, и весь их внешний вид, начиная от взгляда и заканчивая манерой держаться, свидетельствует об их неистребимом высокомерии. Когда к ним начинаешь обращаться на русском (я уверена, что они отлично все понимают, поскольку многие учили в школе русский язык, это во-первых, а во-вторых, наши языки вообще очень близки), то многие, слыша простое обращение к ним, настораживаются, хмурят брови и говорят, что они тебя не понимают. Да просто не хотят понимать! Хотя некоторые охотно вступают в разговор, улыбаются, и, как правило, все без исключения произносят одну и ту же фразу, смысл которой сводится к следующему: я вас понимаю, но сказать ничего не могу...

Но мне не было дела до высокомерных болгарок. Пусть себе пьют кофе, тянут одну чашку целое утро! Мне надо было сосредоточиться и составить план действий. Для этой цели я положила утром в сумку блокнот. Ведь мало того, что мне надо было каким-то образом пристроить своих животных и кур, мне требовалось поехать в Софию, в немецкое консульство. Вот это было, пожалуй, самым сложным и опасным делом. Я боялась, поскольку моя болгарская виза была просрочена и меня вообще могли арестовать. Да и, учитывая щепетильность немцев, трудно было предположить, что мне светит шенгенская виза. Но в Германию мне уже хотелось. Да и деньги были у меня на руках. Не скажу, чтобы они прямо так уж жгли мне руки, но я понимала, что колесо закрутилось и, раз я согласилась принять эти деньги, значит, я просто обязана поехать в Мюнхен.

Живя в полной изоляции в деревне и ни с кем не общаясь, я ни у кого не могла спросить, как можно добраться до Германии. Обращаться с подобным вопросом к посторонним (да хотя бы к тем женщинам, дымившим тоненькими сигаретками за соседним столиком) было тоже как-то не с руки. Мне ничего другого не оставалось, как заняться этим непосредственно на вокзале, откуда частные фирмы отправляли микробусы, автобусы или просто такси в Европу.

Я допила кофе, расплатилась и вышла из кафе. Подумала, что таскаться с такими деньгами по Шумену опасно, а тем более, отправляться на вокзал, который кишит разношерстной публикой, среди которой непременно отыщется пара-другая карманников. Поэтому я вошла в первый же попавшийся мне на пути банк, открыла счет и положила на него четыре тысячи евро, после чего на такси добралась до вокзала. Весь нижний этаж здания автобусной станции, расположенной на одной площади с железнодорожным вокзалом, представлял собою ряд застекленных мини-офисов частных транспортных фирм, торговавших билетами в Германию, Францию, Голландию, Грецию, Турцию, Испанию, Италию. Я вошла в одну из таких стеклянных кабинок, увидела сидевшую за столиком девушку. Подошла к столику и вдруг поняла, что не знаю, что ей сказать, с чего начать разговор. На языке вертелось: «А нямам виза...» (У меня нет визы.) Она похлопает ресницами и пожмет плечами – ей-то нет дела до моей проблемы. Она может только оформить мне билет до любой европейской страны. Но для этого ей понадобится моя личная карта (самый главный документ всех болгар – пластиковая карта с личным номером). Или загранпаспорт. Это при условии, что я – болгарская подданная. А так я кто? Да никто! И звать меня никак.

– Моля. – Я присела на стул перед девушкой и заглянула ей в глаза. – Аз имам проблема. Голяма (большая) проблема. Аз нямам шенген-виза. Мне надо в Германию, понимаете?

– Разбирам, – тихо ответила мне болгарка, и несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Может, вы познаете кого, кто может отправить меня в Германия? Аз имам пари. (Я имею деньги.)

– Чакай малко (подожди немного)... – Она привычным движением поднесла телефон к уху, набрала номер одним нажатием. И я услышала быструю знакомую речь – она была, оказывается, турчанка. Из знакомых мне слов я уловила только «виза», «Алмания», «паспорт», «пари»...

– Чок тешекюр (спасибо большое). Гёрюшюрюз. (Увидимся), – сказала она напоследок в трубку, потом с самым серьезным видом обратилась ко мне: – Голям камион...

Я понимала. Речь шла о большой грузовой машине, фуре. Мне предлагалось поехать в такой огромной машине, в грузовом отсеке. Я и раньше слышала, как русских девушек переправляли таким образом из Болгарии в Турцию – на заработки...

– Хиляда ойро (тысяча евро), – сказала она мне извиняющимся тоном. – Имаш таки пари? (У тебя есть такие деньги?)

– Имам.

– След пет минути тука. (Через пять минут здесь.)

– Мои пари в банка.

– На Алмания – утре, сутринта (В Германию завтра, утром), – сказала мне девушка-спасительница.

– Добре, – согласилась я. Это было как раз то, что нужно. До завтра у меня была еще уйма времени, я успею собраться.

Минут через пятнадцать в офис заглянул молодой симпатичный турок. Увидел меня и уставился, как если бы мы с ним были знакомы.

– Ты – Наташа? Из Страхилицы? – спросил он, удивляясь, на вполне сносном русском.

– Да. Но я вас не знаю...

– Мой брат возит в ваше село хляб. Он казал мне за теб. (Он говорил мне про тебя).

- Слушай, я не хочу, чтобы кто-то из Страхилицы знал, что я собираюсь в Германию.
- Добре. Аз разбираю. (Я понимаю.)

Я не знала, как спросить его – а не обманешь ли ты меня, не выбросишь ли на границе, как мусор, присвоив себе тысячу евро? Но выхода у меня не было. Мы договорились, что завтра в восемь утра он заберет меня из Страхилицы на своей машине, я отдам ему деньги, а он меня пристроит в фуру своего друга, выезжавшего из Шумена в девять часов утра.

Он ушел, я поблагодарила девушку за понимание, вышла из стеклянного офиса и ощутила, что вся дрожу. На улице было холодно, пассажиры, поджидавшие свои автобусы, жались к стене или сидели на длинных скамьях и пили кофе из автомата. В воздухе пахло дождем, кофе и дымом сигарет. Мне стало по-настоящему страшно. И куда же отвезет меня фура? И что ждет меня на границе? Причем их не так-то и мало – границ! Сначала на румынской границе, затем – на венгерской, на австрийской. И хотя Болгария уже вошла в Евросоюз, некоторые границы еще не были стерты...

Кассирша в банке удивилась, когда я сказал ей, что собираюсь снова забрать свои деньги. У меня не было времени на оформление кредитной карты, поэтому мне ничего другого не оставалось, как снова взять купюры и сунуть их в хрустящий пакет (сделать это утром я бы не успела, банк открывался в девять). Я понимала, что по дороге в Германию я могу потерять все – неизвестно, что поджидает меня в пути.

В мои планы входило купить одежду.

Я зашла в большой торговый павильон неподалеку от кафе «Кристалл» – на Славянском бульваре есть два ориентира, «Русский памятник» и кафе «Кристалл», и если люди назначают друг другу встречи, то в основном именно там.

Купила я джинсы, белый свитер, теплую куртку с капюшоном; подбитые мехом мягкие ботинки на шнуровках, белье, шампунь, розовое полотенце, о котором давно мечтала, но которого не могла себе позволить; дезодорант и разные другие мелочи. Со всем этим багажом я зашла в парикмахерскую. Объяснила: я знаю, что здесь все по записи, но мне просто необходимо сделать педикюр и маникюр. В крохотном помещении было всего две девушки, причем я заявила как раз в ту минуту, когда клиентов не было. Объяснила на пальцах, что заплачу вдвое больше, только бы маникюрша согласилась меня принять. Но девушка, хлопая длинными ресницами, постучала отлакированным коготком по своим часикам: мол, «след пет минути» придет клиентка...

Меня приняли лишь в третьей парикмахерской. Мне повезло – там работала русская девушка Инга. Высокая красивая блондинка, она во время работы рассказывала мне о богатых реликтовых сосновых лесах на берегу Енисея, и мне хотелось плакать. Я смотрела, с каким сосредоточенным спокойствием эта красивая Инга работала, приводя в порядок мои огрубевшие, запущенные ноги (мне было стыдно и за затвердевшие пятки, и за заусеницы на пальцах рук), и я по-хорошему ей позавидовала. Я даже представляла себе, как после работы за ней заедет ее муж-болгарин с малышом, которого он заберет из детского садика, как они все втроем поедут домой на машине «Альфа-Ромео», как дома Инга своими нежными руками с длинными расписными ногтями приготовит шопский, с брынзой, салат, пожарит котлеты, и вся семья сядет ужинать в комнате перед телевизором. И ей не придется прятаться в ящике среди коробок с вафлями, к примеру, в огромной фуре несколько раз (на каждой границе) и трястись от страха, что тебя найдут и вытряхнут, а то еще и арестуют и вышлют в Россию. (Мысль о том, что меня вернут моим родителям, угнетала меня, пожалуй, еще больше, чем перспектива ареста в какой-нибудь из европейских стран.)

– Ну вот, теперь ты в полном порядке, – сказала мне Инга, любуясь вместе со мной обработанными ею ногтями рук и ног, с подсыхающим на них розовым лаком. – Нельзя так себя запускать. Ты не забыла? Персиковое масло. Непременно каждый день мажь им ногти и пальцы.

Я пообещала ей, что, вернувшись в Страхилицу, только и буду делать, что поливать свои пальцы персиковым маслом.

Интересно, что бы она сказала, если бы увидела меня после того, что сделали со мной родственники Тони и мои нервы?

Глава 7

Варна, 2005 г

...Когда я уже поняла, что попала в руки преступников и Тони – просто мальчик, которого они использовали для того, чтобы заманить меня в Болгарию и, разрезав на части, продать мои органы, здоровье мое уже было подорвано. Ну и что, что Тони удалось в очередной раз выкрасть у своих родителей мой паспорт – мне тогда казалось, что я умираю. И даже любовь к Тони меня не спасала – глядя на него, склонившегося над моей постелью, я беззвучно плакала, понимая, что мы с ним оба оказались жертвами обстоятельств. Хотя он же мог предупредить меня о том, что нам нельзя встречаться в доме его родителей, что нам надо было снять какое-нибудь жилье подальше от Варны и жить себе спокойно. Но по закону я могла оставаться в Болгарии лишь на три месяца – у меня была виза «D», которую продлить я могла бы при условии, что выйду замуж за Тони. А выйти замуж за Тони я пока что не могла – он был слишком молод.

А потом Тони исчез. Его не было примерно неделю. Меня пичкали какими-то лекарствами, чтобы я пришла в себя, поправилась бы, чтобы у меня, наконец, появился аппетит. Я понимала, что меня хотят откормить, как свинью, а потом уже отправить на органы. И я ждала, что Тони меня спасет. И он вернулся. Ночью. Каким-то непостижимым образом он взломал замок от двери спальни, в которой я жила, сказал, что нашел квартиру в Каварне, мы поедем туда и будем спокойно жить... у него появились деньги.

И он сунул мне под одеяло, прямо мне в руку, рулончик, перетянутый банковской резинкой – деньги. И паспорт – в который раз!

– Canim, я сейчас приду, я за машиной. Все спят. Поднимайся. Все закончилось...

У меня закружилась голова. Тони убежал, а я с трудом поднялась и, держась за стены, принялась переодеваться. Я чувствовала, что со мной происходят какие-то необратимые процессы. Что я почти облысела. Что мое тело покрылось коростой. Что я погибаю!

А Тони не пришел. Его зарезали по дороге, когда он возвращался, чтобы забрать меня и спрятать в машине. Думаю, это сделал кто-то из его братьев. Мне стало известно об этом от его матери, Розы. Она вошла утром в спальню, где я, одетая и собранная, лежала на постели в ожидании Тони, и сказала, кутаясь в черную шаль, что Тони убили.

Я сказала, что она – курва. Я знала, что это самое оскорбительное из всех слов, какие только существуют в стране, куда я приехала. Она подошла поближе, хотела было меня ударить, но потом махнула на меня рукой. Сказала – она не знала, что я такая слабая и больная, меня надо было раньше убить. И напрасно она медлила. Я, рыдая, сказала ей, что они ограбили моих родителей, вытащили из них целую кучу денег.

– Тони надо похоронить. Позвони родителям, скажи, что срочно нужны деньги...

– Но это же абсурд. Они больше ничего не пришлют! – Не знаю, откуда у меня были силы возражать этой наглой цыганке, увешанной золотом. У нее даже на больших пальцах рук были перстни.

– Звони. Номер вот этот. Ты просто скажи им, и все. Проси пять тысяч долларов...

Она, эта Роза, черная Роза, была совсем каменной, бесчувственной. И она не любила Тони. Я даже подозреваю, что Тони и вообще не был ее сыном.

Она двинула мне в ухо телефоном, прижав его к моей щеке – звони! Потом, чтобы я поняла, что со мной не шутят, ударила меня по лицу, прошипев мне в ухо ругательство. Я понимала, что надо как-то действовать, она, быть может, и сама того не подозревая, дает мне шанс. Ведь это раньше меня держал рядом с ней, с этой Розой, Тони, теперь же, когда его не

было, когда его тело с глубокой ножевой раной покоилось где-то на пустыре (я знала, что его так и не похоронили как положено, а зарыли где-то поблизости от дома), я была чудовищно свободной и агрессивной – я хотела жить!

Поэтому, услышав длинный гудок, я напряглась, собирая всю свою боль, горечь и страх в горсть готовых сорваться с языка слов, и, услышав родное мамино: «Ната, это ты?! Где ты?!» – проговорила быстро, насколько это было вообще возможно:

– Ма, па, приезжайте за мной! Записывайте адрес. – И я быстро продиктовала адрес и фамилию этого гнусного семейства (членом которого я чуть не стала).

– Курва! – теперь уже это грязное слово выплюнула черная цыганка Роза. – Курва! Ты дорого за это заплатишь...

Она ударила меня несколько раз по лицу, но так, чтобы не осталось следов. Потом отобрала мой паспорт и ушла, матерясь по-своему, по-цыгански. Про деньги она ничего не знала, поэтому не стала обыскивать мою одежду...

А на следующий день меня отмыли, приодели и сказали, что приехали мои родители. И я должна буду им сказать, что я счастлива с Тони – у нас была свадьба.

...И все бы закончилось хорошо, если бы не фраза моего отца, брошенная мне в лицо, когда мы вчетвером – я, мой отец, мать и помощник консула – уже садились в машину, чтобы покинуть это страшное место. Он сказал:

– Дома поговорим.

В детстве я очень боялась этой фразы. Она ассоциировалась у меня с очень тяжелыми разговорами с отцом, с выяснением отношений, упреками. С самого раннего возраста отец держал меня на крючке этой убийственной фразой.

Помню один случай. Поехали мы в деревню, к родственникам. Взрослые сидят за столом, я скучаю, слоняюсь по большому дому, заглядываю в шкафы, пробую на вкус все то, что нахожу в кастрюлях и сковородках в кухне, гуляю по двору, пытаюсь познакомиться с собаками и кошками. И вот в сенях я открыла буфет и увидела картонную коробку, полную яиц. Я не знаю, зачем я это сделала, но мне почему-то захотелось разбить их (Цок! Цок! Цок!) – ровно разбить, вдоль домотканой полосатой дорожки, как раз на красной полосе...

Шума было много. Все взрослые в основном смеялись. И только отец, взглянув мне в глаза, сказал:

– Дома поговорим.

Меня никогда не били, не пороли. Но лучше бы уж выпороли.

Или вот такой случай. Снова в гостях. Я – уже подросток. Сажу за одним столом со взрослыми. Половину из того, о чем они говорят, не понимаю. Мне скучно. Начинаются танцы. Меня приглашает друг отца, Борис. Высокий, хорошо одетый мужчина, от которого пахнет коньяком. Я в тоненьком платье, и он обнимает меня так, что у меня начинают пылать уши. И оторваться от него не могу, боюсь, и противно, что лапает меня. Спрашивает: у тебя есть мальчик? Я говорю, что нет. И он со вздохом: они ничего не умеют, эти мальчики. Я тогда не понимала, что именно он имел в виду. И что же такое мальчики должны уметь. После танца я пошла в ванную комнату, привести себя в порядок. У меня было такое чувство, что меня прилюдно раздели. Когда выходила, столкнулась с отцом, который, вероятно, поджидал меня.

– Ты зачем с ним танцевала, а? Он же тебе в отцы годится?!

– Но он сам меня пригласил. Ты же знаешь!

– Ладно. – Я видела, что его всего трясет. – Дома поговорим...

Но дома он со мной не говорил. Они ругались с мамой. Тихо, но все равно – ругались. Я слышала лишь ключевую фразу, которая мне все и объяснила: «Не хочу, чтобы наша дочь выросла шлюхой».

А дочь выросла авантюристкой, прохиндейкой, легкомысленной особой. Что правда – то правда.

И я сбежала. Помощник консула отвез нас в ту квартиру, которую снимали мои родители, разыскивая меня, и мы тепло распрощались. Мама плакала. А я вдруг отчетливо представила себе весь тот ужас, что мне сейчас предстоит – разговор с родителями. Ведь мне придется отвечать за все, что случилось со мной. И за роман с Тони, и за все потерянные нашей семьей деньги, и немалые. А у меня просто не было сил разгрести весь этот кошмар.

Я знала: все то время, что мы еще пробудем в Варне, пока не купим билеты, и даже время в полете, не говоря уже о возвращении в Москву, домой, родители будут пилить меня, безжалостно упрекая за все, что я натворила. Я попросту разорила их, не говоря уже о том, что сама испортила себе жизнь и теперь меня, по всей вероятности, может ждать только тюрьма. И если поначалу они начнут издали, из детства и школьных лет, с моей средней успеваемости и подростковой неуправляемости («...Все дети, как дети, а ты готова спать, не снимая роликов...») или «...Ты думаешь, мы с папой не понимаем, что твой мотоцикл – это способ убежать от проблем, от одиночества, от самой себя?! Но так нельзя жить, надо смотреть жизни в глаза, надо понимать, что ты родилась женщиной, а не мужчиной, и тебе надо хотя бы изредка надевать платья, красить губы...»), то потом краски будут сгущаться все больше, и отец не поскупится на крепкие выражения. И пока мама будет вспоминать всех тех потенциальных женихов, которых я упустила, отец заклеит меня позором, непременно обзовет (в который уже раз!) шлюхой и бросит в сердцах, что мне не хватит всей жизни, чтобы расплатиться с ним за свое легкомыслие. Я так хорошо представляла себе наш разговор, что меня заранее тошнило от надвигающихся разборок с самыми моими близкими людьми. А ведь они могли бы повести себя и по-другому. Пожалеть меня, обнять, поцеловать в мою облысевшую голову и сказать, что они готовы забыть все, лишь бы не травмировать меня, не вспоминать весь этот кошмар.

Но по выражению их лиц я понимала, что ждать такого выражения родительской любви мне не приходится. Но и давать себя на съедение самым близким людям я тоже не собиралась. От меня и так уже почти ничего не осталось. Так – тонкая оболочка человеческого существа.

В одном кармане джинсов я судорожно сжимала рукой теплый бумажный рулончик – подарок Тони, деньги, которые он успел сунуть мне перед тем, как его убили. В другом я хранила возвращенные мне матерью Тони (под нажимом помощника консула) свои паспорта: заграничный и российский, внутренний. С этими сокровищами я могла обрести настоящую свободу – раствориться в благословенной, теплой, чудесной стране Болгарии, чтобы меня потом долго искали и не нашли.

Мы уже поднялись по лестнице и остановились перед дверью квартиры (где мои родители готовились меня морально высечь), как я, вдруг резко повернувшись и взглянув им в глаза, сказала:

– Я уйду. Вернусь к вам, когда соберу пятьдесят тысяч долларов. Пожалуйста, не подключайте больше консульство, у них и так много работы. Я не маленькая, не потеряюсь. Деньги у меня на первое время есть, документы тоже. Простите меня...

Они не успели ничего мне ответить, как я бросилась вниз по лестнице, выбежала на улицу и помчалась, куда глаза глядят, подальше от этого дома, от моих самых близких людей.

Глава 8

Страхилица (Болгария) – Русе (Болгария) – Бухарест (Румыния) – Вена (Австрия) – Мюнхен (Германия) 2008 г

Я не стала обманывать Нуртен, сказала ей, что завтра утром уезжаю в Германию. Нелегально. У меня там подруга, которая обещала помочь мне с работой. Нуртен не надо ничего объяснять. Она и так отлично понимает, что я не могу целыми днями гладить ее белье и доить коз. Я еще слишком молода, чтобы не желать себе лучшей жизни. К тому же она знает мое отношение к мужчинам, поэтому верит мне, что я отправляюсь в Германию не к мужчине, а на самом деле к подруге. Она переживает за меня, спрашивает, не опасна ли моя затея. Нуртен в этот вечер особенно хороша. В новых темно-синих шароварах, в белой блузке и вязаной, украшенной вышивкой с орнаментом красной жилетке, она сосредоточенно выбирает из рассыпанной на чистом гладком столе фасоли мусор (соломинки, сухие веточки, комочки глины). Мужа ее дома нет, а потому она позволяет себе снять с головы привычный платок, который она, как и все местные женщины, повязывает сзади на шее, и продемонстрировать мне свою новую стрижку. У нее, как и у всех турчанок, густые, роскошные волосы. Сколько раз я спрашивала ее, почему они до сих пор, как и сто лет тому назад, прячут волосы под платками, но ответа так и не получила. Молодые же девушки и женщины, не обремененные привязанностью к традициям, ходят в джинсах и с распущенными волосами. И что удивительно: если мои соотечественницы делают все возможное и невозможное, чтобы их волосы были гуще, а прическа – объемнее, то здесь все наоборот – они стесняются своих пышных грив, им хочется иметь тонкие редкие волосы и желательно светлого оттенка...

Глядя на волосы Нуртен, любясь их блеском и густой шелковистостью, я не могу не вспомнить себя в то время, когда впервые появилась в Страхилице. Купив на деньги Тони маленький дом и успокоившись, что меня здесь уже никто не найдет, я решила всерьез заняться своим здоровьем. Познакомилась с хорошим русскоговорящим доктором, который помог мне пройти обследование внутренних органов. Оказалось, что я в принципе, здорова хотя и выгляжу как покойник. «Это нервы, – сказал мне доктор Красимир Тодоров. – Я выпишу вам, Наташа, препараты, железо и витамины плюс хорошие французские таблетки от депрессии. Вам следует хорошо питаться, много спать и почаще бывать на свежем воздухе». Золотые слова!

– А что мне делать с волосами? Вернее, как бороться с их отсутствием? Поверьте, у меня были хорошие, густые волосы...

Он посоветовал мне маски из сока лука или чеснока, кислого молока, оливкового масла...

Вернувшись от доктора, я целый вечер посвятила своим волосам. Вернее, тому, что от них осталось. Натерла лук, отжала сок, смешала его с медом и оливковым маслом и принялась втирать в кожу головы. Запах стоял ужасный, и мне казалось, что вот-вот в дверь кто-нибудь постучит и скажет: эй, русскиня, ты чем это таким занимаешься, что вся Страхилица провоняла луком?! Но никто, понятное дело, не пришел. Никому не было дела до русскини. Однако спустя несколько месяцев волосы мои восстановились. Для этого, помимо масок и мытья головы хорошими витаминными шампунями, мне пришлось несколько раз коротко стричься, чтобы избавиться от поломанных, больных волос.

Да и кожа, благодаря свежему воздуху и козьему молоку, вернула свою свежесть и хороший теплый оттенок, у меня даже появился румянец! Я ожила...

– Посмотрите моих коз, кур? – спросила я у Нуртен.

– Elbet. (Конечно, посмотрю.)

– А за домом присмотрите?

– Uzuime, canım. (Не переживай, дорогая...) – Нуртен подошла ко мне, обняла и поцеловала в макушку. Я слышала, как она плачет.

Потом она ушла и вернулась, лицо ее было красным, она волновалась.

– Вземай. – Она вложила мне в ладонь деньги. – Триста лева.

Это были большие деньги. На них можно было купить пятимесячную телку или трех взрослых овец, шесть коз или подержанный «Фиат».

– Аз имам пари, – сказала я охрипшим от волнения голосом. – Спасибо, Нуртен...

– Аз съм длъжна (я тебе должна), – проговорила она, крепко прижимая деньги к моей ладони.

Я не могла сказать ей, что у меня целая куча денег. Не могла раскрыть ей всю тайну. Это касалось лишь меня. И отвечать за эти деньги тоже должна только я. И нечего взваливать на голову Нуртен мои проблемы и сомнения.

Поздно вечером ко мне заглянула Нежмие. Слухи разлетаются по деревне со скоростью света.

– Ната, ти заминаваш за Алмания? (Ты уезжаешь в Германию?) – Глаза ее стреляли по комнате в поисках доказательств самой свежей «клюки» (сплетни). Она не могла не увидеть дорожную сумку (я купила ее в тот памятный день, когда сбежала от родителей в Варне, мне тогда необходимо было, как и в этот раз, купить кое-что из одежды, обуви), новые ботинки, куртку, висевшую на двери.

Я, как могла, объяснила ей, что мне пришло письмо от моей подруги детства (я знала, что Айше, почтальонша из Черна, в случае необходимости подтвердит факт получения мною письма из Германии), которая зовет меня к себе в гости, а заодно, может, подыщет мне там работу. Нежмие смотрела на меня с удивлением и страхом, я видела, что она искренне переживает за меня. Ведь ничего, ну, абсолютно ничего не предвещало никаких перемен в моей жизни! Нежмие знала, что у меня не может быть денег на дорогу – да и все в деревне знали, что у меня практически никогда не бывает денег. Разве что когда я у Нуртен получаю зарплату. Но она почти вся уходила на уплату долгов, квитанций за ток, воду, за хлебные купоны да на покупку самого необходимого: сахара, кофе, масла. Я – единственная на весь Делиорман, как мне кажется, ем хлеб и кашу не с маргарином, а со сливочным маслом. Привычка с детства. Влезу в долги, но масло куплю! Иначе хоть волком вой...

– Имаш ли пари?

– У меня есть деньги, Нежмие, подруга прислала мне на дорогу.

– А виза? – Нежмие была в курсе того, что у меня просрочена виза и что в Болгарии я уже давно живу нелегально. Удивительно, как мне продали этот домишко – ведь мне, как иностранке, невозможно купить землю. Дом купить можно, а землю, на которой стоит дом, – нет. Однако земля под моим домом – кому она нужна, кроме меня? Главное, у меня есть свой дом, а в нем – новая кровать с новыми одеялами, подарок Нуртен на день моего рождения.

Мы поговорили с Нежмие, выпили по чашке чаю с липой и попрощались. Обе плакали. А потом я покормила Тайсона, поставила будильник на шесть утра, приготовила одежду и легла спать.

Но сон долгое время не шел. А когда я все же уснула, мне приснилось, как будто я не одна, у меня есть кто-то, кто меня очень любит. Я никак не могла понять во сне, кто же этот мужчина. Он обнимал меня в темноте, шептал слова любви, плакал у меня на груди, а я плакала оттого, что никак не могу ответить на его чувство взаимностью, потому что не понимаю, кто

он, не вижу его. А потом он страшно закричал, так закричал, что у меня кровь заledenела в жилах. Я увидела распростертого на полу мужчину в окровавленной рубашке. С лезвия ножа капала кровь, она шипела, касаясь пола, и испарялась, словно кислота.

Я проснулась и заметалась на постели. Тони?! Может, я увидела во сне, как убили моего мальчика, моего Тони? Но я откуда-то знала, что это был не Тони. И почему-то из-за Тони я так не переживала, как из-за этого другого мужчины. Мне казалось, что уже очень скоро я вспомню, кто же он, вспомню, чьи это глаза, мерцающие во всполохах молний за окном, и этот голос. Ощущения, память, чувства, ассоциации. Я знала этого мужчину в реальной жизни. И он ассоциировался у меня с чем-то садняще-мучительным, грустным и даже тоскливым. Нет, я определенно знала его! Мы были знакомы. Но вот кто он, я так и не вспомнила. Только знаю, что он из моей другой жизни, той, которую я успела забыть. Но это не Тони. Тони был гораздо позже. А еще, у меня было чувство, словно я должна этому человеку деньги – или он мне? Словом, что-то связано с деньгами. Может, я в Москве у кого-то одолжила денег и забыла? Но у кого? Деньги я, как правило, брала у родителей. И только если мне надо было отдать в ремонт мотоцикл, я старалась сначала перехватить у знакомых, а уж потом, частями, просила их у мамы.

Будильник разрезал мой сон острым ножом – я так и не вспомнила, кто же мне приснился. И кого же убили там, в моем тяжелом сне. Я быстро оделась. Пришли Нуртен и Нежмие – проститься и пожелать мне счастливого пути. Я отдала ключи Нуртен. Знала, что в мое отсутствие и мои курочки, и козы, и Тайсон будут накормлены. Я оставляла свое маленькое хозяйство в надежных добрых руках.

У калитки я простилась с Тайсоном. Пес лизнул меня в щеку и попытался встать на задние лапы.

– Я приеду, вот увидишь. И мы станцуем с тобой. – Это была наша тайна. Я учила Тайсона танцевать вальс и знала, что, будь он посмышленнее, непременно после каждого танца целовал бы мне руку. – Пока, Тайсон. Не грусти.

А спустя два часа я уже сидела на довольно-таки удобном стуле в огромной, продуваемой ветром фуре и старалась не думать, сколько тысяч километров отделяют меня от далекого Мюнхена. Я позвонила Соне и вполне спокойным голосом сообщила, что еду нелегально, у меня не в порядке документы, спустя тридцать часов я должна быть в Германии. Ей понадобилось время, чтобы переварить полученную информацию, а мне – чтобы представить себе девушку, которой мог бы принадлежать этот низкий встревоженный голос. Она перезвонила сама и задала несколько вопросов. Я объяснила ей, что у меня просрочена виза, я нелегально живу в Болгарии. И я не могу лететь самолетом. Она сказала, что, когда я пересеку территорию Румынии, у меня перестанет работать болгарская телефонная система, и тогда мы вряд ли сможем связаться. На это я ответила ей, что у водителя есть немецкая сим-карта, я с ним обо всем договорилась, и, когда мы будем подъезжать к Мюнхену, я ей позвоню сама. Странное дело, но я, включившись в эту игру, и сама уже начала воспринимать Соню как свою давнюю подругу. Жаль, что это обман и меня там никто не ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.